

ния на прежние публикации. В сочетании с комментарием каждая надпись представляет собой наглядную и выразительную иллюстрацию какого-то определенного момента в процессе развития античной культуры.

Следует, однако, отметить, что многие не поддающиеся точной датировке надписи на основе языкового анализа или реальных данных могли бы получить гипотетическое указание на время их составления. Особенно в этом нуждаются эпиграфы, вошедшие в разделы «Безвременная смерть» и «Жизнь и смерть», где в первом из восемнадцати стихотворений датировано только три, а во втором — из сорока одного только одиннадцать. Это тем более было бы желательно, что в соответствующем разделе вступительной статьи (стр. 8) не дано никаких хронологических указаний, как это сделано для посвященных надписей (стр. 5).

Вступительная статья дает характеристику каждого рода надписей в целом, хотя и краткую, но вполне достаточную для первоначального ознакомления с этим родом литературы. Вызывает сожаление только отсутствие общего очерка истории эпиграфической поэзии со времени наиболее древних известных нам об-

разцов: изложение начинается прямо с надписей II—III вв. н. э. (стр. 5).

Помещенный после вступительной статьи «Список сокращений» в действительности представляет собой библиографию по исследуемой теме и может служить ценным пособием для начинающих. Однако ограничение библиографии «Списком сокращений» лишило издателей возможности указать на специальные литературоведческие исследования (это тем более досадно, что книга Хоогма, например, упомянута в примечаниях к вступительной статье на стр. 11).

В конце книги помещены два указателя для перевода номеров надписей по СИЛ и антологии Бюхелера на нумерацию настоящего издания.

Книга иллюстрирована прекрасно выполненными фотографиями надгробий.

Книга Ф. А. Петровского в русской научной литературе — первое исследование стихотворных надписей как памятника поэзии и первый в мировой литературе их художественный перевод. Мы надеемся, что Ф. А. Петровский продолжит свою работу, и стихотворные памятники греческой эпиграфики тоже станут достоянием русского читателя.

Л. А. Фрейберг

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АКАД. С. А. ЖЕБЕЛЕВА
И ЧЛ.-КОРР. АН СССР ПРОФ. С. В. КИСЕЛЕВА*

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

(до 9.IX. 1944 г.)**

Античная история Болгарии по общему признанию представляет большой интерес не только как часть истории болгарского народа, но и как весьма существенный раздел истории древнего мира и всемирной истории вообще.

* Несколько лет назад известный советский ученый, член-корреспондент АН СССР, проф. С. В. Киселев, будучи главным редактором журнала «Вестник древней истории», обратился ко мне с просьбой написать обзорную статью на тему, сходную с тематикой настоящего моего труда. По независимым от меня причинам тогда я не смог выпол-

** Настоящий обзор в более подробном изложении опубликован в болгарской печати: Проф. Христо М. Данов, Критичен обзор върху буржоазната историография за България през античната епоха до 9.IX. 1944 г. ГСУ, философ.-ист. ф-т, т. LVII, книга II, София, 1964.

Ощущаемая уже давно историками древности у нас, в Болгарии, и за границей необходимость в возможно более полном определении как достижений болгарской буржуазной историографии в названной области, так и ее слабостей и недостатков, побуждают меня к тому, чтобы представить такой обзор исследований, выполненных как отечественными, так и иностранными учеными до нашей социалистической революции. В свете марксистско-ленинской исторической науки необходимо критически пересмот-

нить его просьбы и только теперь в состоянии откликнуться на его предложение. Преждевременная кончина С. В. Киселева и дорогие неувядающие воспоминания об академике С. А. Жебелеве, у которого я многому научился еще будучи студентом, побуждают меня посвятить настоящую работу светлой памяти этих двух выдающихся представителей советской исторической науки.

реть труды наших и западных ученых, в которых слабые стороны и пороки буржуазной методологии выявились особенно ярко и типично. Необходимо провести четкую границу между тем, что подлежит критике и что отвержению, поскольку оно препятствует дальнейшему успешному развитию марксистско-ленинской историографии в области античности, и тем, что представляет для нас положительное наследие.

Отечественные и иностранные буржуазные историки своей научной и научно-популяризаторской деятельностью в период времени от последней трети XIX в. до социалистической революции в Болгарии (9 сентября 1944 г.) положили не только начало изучению античной истории болгарской земли, но и дали множество совершенно конкретных и точных исследований по этому периоду¹. В дальнейшем изложении мы дадим краткий обзор некоторых трудов этих ученых преимущественно в области древней истории Болгарии. Мне казалось возможным построить этот обзор по хронологическому принципу, исходя из времени деятельности трех поколений ученых, работавших в указанной области в названный ранее период. Ученых этих поколений, включая и поколение наших отцов, уже нет в живых, что дает возможность посмотреть на их труды не только с пиететом, но и *sine ira et studio*. В этом случае может быть получена большая перспектива и более правильная оценка достижений и недостатков нашей буржуазной историографии. Обзор охватывает, таким образом, творчество тех ученых, которые работали начиная с 80-х гг. XIX в. и до 9 сентября 1944 г. — времени свершения социалистической революции в Болгарии. При избрании этого периода для настоящего обзора мною руководили следующие соображения. Прежде всего я имел в виду то обстоятельство, что в 60-е годы прошлого века были совершены огромной значимости археологические открытия в области античной культуры сначала в Трое, затем в Пелопоннесе и в других местах балканской и островной Греции, а также раскопки Эванса на Крите, произведшие переворот в тогдашних познаниях об истории человечества. Второе немаловажное соображение основывается на том существенном факте, что упомянутые от-

крытия в области научной почти совпали во времени с таким крупнейшим событием социально-политического характера, как Парижская коммуна, — событием, нашедшим отклик и в историографии. Отклик этот, коротко говоря, выразился в усилении реакционных антидемократических тенденций, которые можно заметить позднее и в историографии древнего мира.

Обогащение исторической науки в области древней истории археологическими материалами, добытыми в Трое и Троаде, произошедшее за несколько лет до освобождения Болгарии от турецкого господства, имело своим следствием вначале лишь незначительное повышение интереса у западных ученых к далекому прошлому земель, расположенных по течению Дуная. В трудах тех ученых, которые занимались изучением античного периода в истории нашей страны в 60-е и 70-е гг., сказались характерные различия, которые были связаны не столько с концепцией автора и его научным методом, сколько с их индивидуальными чертами, с их национальной принадлежностью и идейно-политической позицией. Эти различия и нюансы выступают достаточно ясно при анализе трудов некоторых тогдашних французских, австро-венгерских, чешских и болгарских историков, археологов, этнографов.

В хронологическом порядке и вследствие самого характера трудов мы должны назвать прежде всего работы даровитого французского археолога и историка Альбера Дюмона². Главной причиной, побудившей Дюмона к изучению Болгарии, явились несомненно его исследовательские интересы в области изучения древней Фракии. В представленном им докладе тогдашнему французскому министру просвещения В. Дюрюю Дюмон указал на важную роль фракийцев и их страны в истории древнего мира³. Дюмон отмечает, что местности, являвшиеся некогда внутренними областями Фракии, никто до него из историков древности и археологов не посещал и не изучал. Дюмон был одним из первых серьезных ученых, указавших на недостаточность сведений античных авторов о внутренней Фракии и на необходимость для восстановления ее истории систематических археологических исследований современной болгарской территории. Он указал на то, что главным исходным пунктом археологических исследований на почве Болга-

¹ Я далек от мысли преуменьшить значение этого положительного наследия, завещанного нашими знаменитыми и заслуженно уважаемыми во всем культурном мире предшественниками. См., например, мое введение к библиографии акад. Г. И. Капарова, София, 1953, стр. 7—22, как и некрологи академиков Г. И. Капарова и Д. Дечева в «Südostforschungen», Münch., 1959, стр. 394—398.

² Жизнь и деятельность Дюмона характеризованы L. Heuzey в предисловии к сборнику «Mélanges Dumont — Homolle», P., 1892, где упомянуты и другая литература, появившаяся в связи с кончиной Дюмона.

³ A. Dumont, Rapport sur un voyage archéologique en Thrace, P., 1871.

рии должен стать Пловдив⁴. Дюмон первый обратил внимание также на вопросы этнического происхождения древних фракийцев и на их язык. Его оригинальные и в общих чертах правильные наблюдения в отношении архитектуры фракийцев (преимущественно погребальных и крепостных сооружений) и их религиозных культов свидетельствуют о преемственности и определенном консерватизме в материальной культуре древних фракийцев. Без преувеличения можно сказать, что Дюмон явился также и одним из первых археологов-профессионалов, давшим хороший пример того, как следует восстанавливать этапы исторического развития древних фракийцев, сочетая сведения античных авторов с данными археологии. Дюмон критически использовал письменные источники по истории древней Фракии. Так, в частности, он указал на то, что некоторые памятники эпиграфическо-археологического характера эллинистического времени из внутренних областей совр. южной Болгарии свидетельствуют против утверждений Страбона, Тацита, Плиния Старшего и других, что фракийцы в начале Принципата были «настолько же варвары, насколько и германцы». Тезис Дюмона ныне подтвержден множеством археологических и эпиграфических памятников, наиболее убедительными из которых являются недавние раскопки фракийского города Севтополя, а также такой памятник, как Казанлыкский склеп⁵. Дюмон был едва ли не самым первым из ученых, который на основании нумизматических находок на территории Фракии убедительно показал наличие оживлен-

ных торговых связей у фракийцев с Македонией и Фасосом, с Афинами и с западным побережьем Балканского полуострова⁶. Можно утверждать также, что Дюмон и Бек являются основоположниками научной эпиграфики в Болгарии. Преимущественно на основе знаменитого в свое время сборника «Inscriptions et monuments figurés de la Thrace», *Mélanges Dumont-Homolle* (стр. 307—581) могла быть начата и завершена классическая для своего времени книга Е. Калинин (E. Kalinka, *Antike Denkmäler in Bulgarien*, Wien, 1906). На основе этих двух трудов историки древности и эпиграфисты смогли потом представить отвечающие современным требованиям науки исследования по истории античной Болгарии. Этот эпиграфическо-археологический сборник Дюмона, будучи оценен с позиций нынешнего дня, содержит немалые изъяны, коренящиеся не только в недостаточном знании Дюмоном греческой и латинской эпиграфики, но и в его недостаточной осведомленности в области древнефракийской ономастики⁷. Немалые для своего времени заслуги имел Дюмон и в выяснении характера общественного и экономического строя на большей части фракийской территории в римский период. Заслуженным вниманием и признанием пользуются и по сей день его в общем правильные наблюдения о характере древнефракийской сельской общины, ее делениях и объединениях. Эта же оценка может быть распространена и на его заметки в отношении городских поселений древней Фракии.

Юлиус Юнг. Современник Дринова, Иречека, Дюмона, Каница, Томашека и других, австрийский ученый Ю. Юнг был продолжительное время профессором в немецком университете в Праге. Из числа его трудов должна быть упомянута книга «Римляне и ромей в дунайских странах»⁸. В то время эта книга возбуждала интерес и была в известном смысле полезна. Она давала тогдашнему образованному читателю, равно как и специалисту, значительный фактический

⁴ Этим объясняются и сравнительно глубокие для того времени знания Дюмона об античном прошлом Пловдива.

⁵ В этом тезисе Дюмона содержались, однако, некоторые неточности. Дюмон рассматривал культурное развитие древней Фракии в сравнении с древнегреческой культурой классического и раннеэллинистического периодов. Поэтому для него основным показателем степени развития культуры фракийцев и ее характера являлись лишь признаки того, насколько эта культура была греческой. Мы бы не стали останавливаться на этой ошибочной концепции Дюмона, если бы она позднее не была «дополнена» и не сдвинулась, в особенности после первой мировой войны, главным оружием для доказательства или оспаривания степени эллинизации древних фракийцев. «Подтверждение» или «отвержение» тезиса об эллинизации древней Фракии послужило в дальнейшем шовинистическим и завоевательным стремлениям фашизированной буржуазии балканских народов для фабрикации «исторических аргументов» в пользу «эллинизма» или фракийской «чистоты».

⁶ См. об этом «Доклад Дюмона», стр. 15; о нем же, *Le Balkan et l'Adriatique*, изд. 2-е, Р., 1874, стр. 183.

⁷ Эти недостатки сборника Дюмона, так же как и других его менее значительных работ в области эпиграфики, предстают ныне особенно отчетливо в результате дальнейших исследований академиков Г. И. Капарова, Вл. Георгиева, Д. Дечева. То же в общем может быть сказано и относительно наблюдений Дюмона в области духовной культуры (преимущественно религии) и его понимания процессов проникновения греческой культуры во внутренние области Фракии.

⁸ J. Jung, *Römer und Romanen in den Donauländern* (Historisch-ethnographische Studien), Innsbruck, 1887.

материал о различных областях Балканского полуострова и территориях к северо-западу от него до истоков Дуная. Впрочем, этот обильный для того времени материал автор трактовал односторонне, поверхностно, с явной идеализацией роли римского владычества. В центре внимания Юнга находился вопрос о степени романизации населения придунайских стран в античную и позднеантичную эпоху, так же как и об ее «упорном» сохранении в дальнейший исторический период. Безоговорочно идеализируя «благотворное» и мощное влияние римской культуры на быт местного населения названных областей, автор не вскрыл исторических корней и истинного характера римского господства в этих странах⁹.

Некоторые следы влияния Дюмона, Юнга обнаруживаются в трудах ученых, которые самоотверженно посвятили наиболее плодотворную часть своей жизни специально истории болгарского народа и его прекрасной страны. Этими тремя учеными были: болгарин Марин Дринов, чех Константин Иречек и венгр Феликс Каниц. Однако обстоятельством, придающим их делу заслуженный ореол неуязвимой славы, является не их научная преемственность (от Дюмона, Юнга и др.), а сознательный и неуклонный исследовательский интерес в особенности к историческому прошлому Болгарии. Они (в особенности Дринов и Иречек) создали труды, давшие болгарскому народу право гордиться своим собственным историческим прошлым¹⁰.

Марин Дринов. Само появление такого историка, как Марин Дринов, в среде еще поработанного болгарского народа было бы трудно объяснимо без благотворного воздействия русской науки и культуры. Дринов имел редкое счастье испытать это благодатное влияние еще

⁹ Jung, ук. соч., стр. 347 сл. Когда припоминаешь содержание некоторых страниц этой достаточно эксцентричной и по построению и по содержанию книги, например, раздела о «заметном влиянии немецкого культурного элемента на романскую среду», вспоминаются ассимиляторские устремления и планы руководящих кругов тогдашней австро-венгерской империи, направленные на слияние славянского и румынского населения в так называемой «Donaumonarchie».

¹⁰ В рассмотренных выше трудах Дюмона и в особенности в его книге «Le Balkan et l'Adriatique» имеется немало мест, из которых недостаточно осведомленный западный читатель мог представить себе, что среди балканских народов болгарский народ является народом «без истории» и что он единственный из числа балканских народов является «непрощеным» наследником богатого античного культурного наследства.

со своих школьных лет. И как студент он должен был испытывать уважение к русской исторической школе, достойно представленной и в южнорусских университетах, благодарность за поддержку, моральную и материальную, русских научно-исследовательских учреждений. Родившийся в 1838 г. Дринов большую часть своих важнейших научных трудов написал еще до освобождения Болгарии от турецкого господства или непосредственно вслед за этим. В своих исследованиях по вопросу о происхождении болгар и особенно по вопросу о протославянском этническом субстрате, и в этой области наука обязана ему весьма многим. Дринов обнаружил глубокое понимание значения древнефракийского компонента и его роли при образовании славяно-болгарского народа. В другой работе¹¹ мною подробно рассмотрена концепция М. Дринова о происхождении и исторической роли северобалканского и специально фракийского населения для истории болгарской территории в античную зону. Позволим себе кратко повторить некоторые основные положения указанной нашей работы. Заодно будут приведены ссылки на труды некоторых видных современников Дринова, которые в то время в Западной Европе были выразителями новых течений буржуазной историографии в области античности и которые несомненно оказали известное воздействие на формирование концепции Дринова по интересующим нас вопросам. Из этих трудов Дринов использовал преимущественно новые научные произведения немецких, французских и итальянских авторов. Соответственно тогдашнему мнению, господствовавшему не только в самой Германии, но, можно сказать, и во всей Европе, включая и Россию, значительным успехом продолжала пользоваться «Греческая история» Э. Курциуса.¹² Дринов знал хорошо и «Историю эллинизма» Дройзена¹³. Влияние Дройзена объясняется в большой степени идеализацией древнемакедонского завоевания в северной части Балканского полуострова. Подобно тогдашним западноевропейским буржуазным историкам древнего мира¹⁴, Дринов

¹¹ Хр. Д а н о в, Някои проблеми от античната история на северно-балканските и българските земи в трудовете на Марин Дринов, «Сборник в чест на М. Дринов», София, 1960, стр. 133—144.

¹² E. Curtius, Griechische Geschichte, I—III.

¹³ J. G. Droysen, Geschichte Alexanders des Grossen, B., 1833.

¹⁴ Одним из обширных обзоров по истории древнего мира была тогда девятитомная «Geschichte des Altertums», Max Duncker, Lpz., 1878—1886. Хотя Дункер был скорее специалистом по новой истории и активно занимался прак-

поддерживал неправильное мнение, что области северной части Балканского полуострова в античную эпоху и по меньшей мере до установления в тех местах римского владычества были неким *monde à part*, который не имел никаких связей с средиземноморской, в частности с эллинской культурой. Это и некоторые другие мнения, высказанные Дриновым под влиянием упомянутого труда, не помешали ему правильно понять и истолковать то огромное значение, которое имел продолжительный контакт между фракийцами и эллинами на черноморских и эгейских берегах Фракии. В самостоятельном истолковании сведений о Фракии, содержащихся у Геродота и Фукидида, Дринов правильно подметил, что в их сведениях отразились различные уровни социально-экономического развития фракийских племен. Дринов, например, правильно заметил, что хотя Геродот и не различал этнически отдельных фракийцев, он изобразил их тем не менее разделенными на множество враждующих между собою племен, тогда как Фукидид, «наиболее глубоко мыслящий историк древней Греции», понимал огромное и все возрастающее значение фракийцев вследствие их объединения в Одрисское царство. Первым из числа болгарских историков Дринов начертал сравнительно правильную картину размещения древнефракийских племен на территории нынешней Болгарии, хотя с точки зрения современной науки о древности и с позиций сравнительного языкознания представление Дринова о протославянском населении северобалканских областей было не вполне правильным¹⁵. Наряду с этим Дринов правильно отобразил ряд черт социального быта фракийских племен и прежде всего то, что разложение родового строя в их среде достигло такой степени, когда имелись уже все условия для возникновения у них классового общества и государства. Дринов представил достаточно правильно

исторической политикой, его «История древности» изложена более живо и увлекательно, чем его «История Пруссии». Это относится в особенности к «Истории древнего Востока», написанной на основе вновь открытого тогда богатого фактического материала; можно сказать, что этот труд представлял в свое время действительно новое слово в историографии древнего мира. Оценку творчества Дункера с позиций русской буржуазной историографии см. Бузескул, ук. соч., стр. 345 сл.; стр. 403 сл.

¹⁵ По его мнению, на Балканском полуострове, помимо эллинов, с незапамятных времен жили разнообразнейшие негреческие племена, которые в основном распались на три этнические группы: фракийскую, иллирийскую и македонско-эпиротскую.

и сопровождавшие этот процесс явления, отмечая, что «только что вошедшие в состав Одрисского государства племена снова возвращались к прежнему разрозненному общественному быту»¹⁶.

Из некоторых мест в трудах Дринова видно, что он давал правильную оценку македонской политики и характера державы Александра, его завоевательных походов на восток. Эта оценка сказалась потом в трудах некоторых других историков древности следующего поколения. В попытках римской организации балканских территорий Дринов ясно усматривал часть общей экспансионистско-агрессивной политики Рима. Характерно и то, что симпатии Дринова были на стороне местного населения, ставшего жертвой римской агрессии.

Дринов занимал правильную позицию и в вопросе об исторической преемственности на болгарских землях при переходе от поздней античности к раннему феодализму, когда формировалась болгарская народность. К тому же Дринов весьма резко критиковал так называемую «фракийскую теорию» происхождения болгарского народа. В то же время он учитывал и древнефракийский этнический субстрат и его значение в процессе формирования болгарской народности. Этим объясняется его живой интерес к вопросам топонимики современной болгарской территории, чем определяются также и некоторые работы Дринова языковедческого характера. Существенна в указанном отношении и его статья, в которой было показано, что современная форма наименования Пловдива происходит от Пулгудевы — дако-мезийской формы наименования этого города¹⁷.

В связи с лингвистическими исследованиями Дринова нельзя умолчать и о некоторых его неправильных толкованиях этническо-языковых связей между балканскими народами в древности. Так, например, Дринов весьма настойчиво поддерживал мнение о близком языковом и этническом родстве фракийцев и иллирийцев. Занимая видное место в борьбе нашего народа за национальное освобождение и объединение, исполненный пламенного патриотизма, Дринов в то же время отдавал дань в некоторых своих трудах и другому ошибочному представлению, широко распространенному в тогдашней западноевропейской, равно как и в русской историографии античного мира. Соответственно этому представлению во время македонских завоевательных походов, начиная со времени Филиппа II и его сына Александра, фракийцы были «объединены, а не подчинены».

¹⁶ М. Дринов, Заселение Балканского полуострова славянами, Съчинения, I, София, 1909, стр. 158.

¹⁷ Дринов, Съчинения, I, стр. 639 сл.

ны (хотя не надолго и не абсолютно — *замеч. автора Хр. Д.*) македонянами — самым сильным фрако-иллирийским племенем (*sic!*)». Отсюда происходит и другое ошибочное представление Дринова, что между подчинением фракийских земель македонянам и последующим завоеванием их римлянами не существовало никакой качественной разницы. По его мнению, экспансия македонян в восточной части Балканского полуострова представляла собой объединение фрако-иллирийских племен под эгидой македонян; последних же он считал по происхождению фракийцами и иллюрийцами. Отсюда и ошибочная характеристика положения фракийцев в правление Лисимаха, высказанная Дриновым. Тогда, по его мнению, фракийцы образовали самостоятельное государство под управлением Лисимаха и вели отчаянную борьбу с гетами. Хорошо известно, однако, что отчаянная борьба фракийцев в то время и притом в союзе с греками западнопонтских полисов была направлена преимущественно против македонян во главе с Лисимахом, когда часть фракийских племен и в том числе одрисы находились в кратковременном подчинении у Лисимаха.

Интересна и в значительной степени правильна оценка Дринова¹⁸ значения кельтского нашествия на Балканский полуостров в начале III в. до н. э. Дринов справедливо оспаривал мнение Шафарика, Маннерта, Суворецкого и других, которые преувеличивали роль кельтов на Балканском полуострове, как в дославянский, так и в раннеславянский периоды¹⁹. Полемизуя с упомянутыми авторами, Дринов резонно указал, что причину успеха кельтов в дунайских землях следует видеть прежде всего в том, что во время кельтского нашествия на Балканский полуостров его фракийское, эллипское и иллюрийское население было истощено предыдущими войнами и разбегнуто до крайности. В подтверждение этого мнения, которое в известной степени является справедливым, Дринов привлек множество свидетельств античных писателей, сообщающих о переселении и перемещении племен на Балканском полуострове и о запустении целых областей балканской земли.

Следует сказать, что Дринов не вполне ясно представлял себе этническую принадлежность некоторых варварских

племен²⁰, которые хлынули на север балканских земель вслед за кельтами. Но в те времена, в особенности до появления трудов Г. И. Кацарова, рассмотренные исследования Дринова явились первым серьезным опытом самого болгарского историка осмыслить историческое прошлое своей страны в позднеллинистическую и римскую эпохи. Труды Дринова в этой области представлялись сознанию современника тем более значительными (и мы также не должны упускать этого из виду), что как упомянутые выше, так и другие исследования западноевропейских ученых излагали в то время историю древней Греции почти изолированно от истории ее ближайшего окружения, находившегося в тесном взаимодействии с греческим миром.

Константин Иречек. Исследования Иречека в области античной истории современной болгарской территории являются собой высокую ступень в развитии античного балкановедения вообще. Константин Иречек сочетал в себе редкую эрудицию и завидную работоспособность с исследовательским дарованием и многосторонними интересами. Эти качества помогли ему стать одним из виднейших знатоков истории и культуры не только самих южных славян, но и дославянского населения этих земель. В отличие от Дринова, который занимался античной историей болгарской земли преимущественно в рамках научного синтеза, Иречек, исследуя античную историю Болгарии и Сербии, с одинаковым успехом сочетал в своих трудах анализ и синтез. Иречек собирал и публиковал материалы об античном горно-рудном деле в наших землях и в то же время дал исследования обобщающего характера по этому и по другим вопросам. Ради главной своей задачи — создания возможно полной картины исторического развития болгарского народа интерес Иречека был направлен на выяснение различных и часто весьма отдаленных друг от друга периодов истории Болгарии в древности. Это сказалось особенно ярко в его обобщающих трудах по истории болгар. Как никто другой из ученых балкановедов и болгароведов до него, Иречек был в курсе основных трудов по античной географии, опубликованных на Западе и в Болгарии в первой половине XIX в.

Следует хотя бы совсем кратко рассмотреть, что привнес в нашу научную литературу после трудов Дринова Иречек как в области средневековой истории нашей страны²¹, так и в области спе-

¹⁸ Дринов, Сочинения, I, стр. 143 сл. и особенно стр. 161.

¹⁹ Это необоснованное преувеличение в оценке роли кельтов на современной болгарской территории в III и II вв. до н. э. отмечается, к сожалению, в трудах некоторых болгарских авторов новейшего времени.

²⁰ Так, например, в случае с бастарнами: Дринов, *ук. соч.*, стр. 162.

²¹ О трудах Иречека по средневековой истории Болгарии см. Д. Ангелов, Константин Иречек и неговото дело, «Исторически преглед», XI, 1955, кн. 1, стр. 100—112.

циально интересующего нас античного периода. Иречек посвятил античной истории болгарской земли монографические труды и ряд частных исследований. В особенности ценны его исследования по истории заселения древнефракийских земель, их населения и о путях сообщения, которое содержится прежде всего в его монографии «Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe» (Прага, 1877)²². Весьма интересна «История болгар» Иречека. Последней по времени в ряду монографических трудов, посвященных Болгарии, является его книга «Das Fürstentum Bulgarien» (Prag, 1891).

При оценке научной деятельности Иречека в области античной истории Болгарии следует обратить внимание на то, что в отличие от М. Дринова, который недооценивал исторический факт возникновения государства у фракийцев, Иречек в общем правильно указал на то значение, которое имело это «местное», т. е. Фракийское, царство для экономического, политического и культурного развития всей восточной половины Балканского полуострова. Существование фракийского государства обеспечивало согласно Иречку безопасность торговых связей между западной частью Балканского полуострова и Пропонтидой. Он подчеркивал важность с исторической точки зрения того обстоятельства, что образование государства у фракийцев было первой и единственной попыткой фракийских племен объединиться в одну обширную в территориальном отношении государственную организацию, инициатива в создании которой исходила от одрисов²³. Иречек неправильно оценивал как незначительную роль других племен в стремлении к объединению. Это является из того, что среди фракийских племен, населявших нынешние болгарские земли, Иречек упоминает в этой связи еще только трибаллов. У Иречека отсутствуют и полная картина исторического развития многочисленных фракийских племен (или хотя бы важнейших из них), населявших территории между нижним течением Дуная, Эгейским морем и Пропонтидой. По Иречку (там же), конец Фракийского государства наступил вслед за смертью Севта I, после чего во Фракии снова вспыхнула «межплеменная анархия». Последнее обстоятельство весьма способствовало осуществлению

политики Филиппа II, который в выгодный для него момент нанес смертельный удар Одрискому царству. Другими словами, Иречек оставил без внимания тот немаловажный факт, что Одрисское царство продолжало существовать и после Севта I сначала в стесненных границах, а позднее в виде нескольких небольших Одрисских или других отдельных фракийских царств. Он объяснил этот процесс как результат «племенной анархии» фракийцев, которую в других случаях называл также «племенным партикуляризмом». Иречек не обратил должного внимания и на тот важный факт, что даже и во время существования Македонской державы и ее расцвета, когда Филипп II основывал новые города в южной Болгарии, на нашей территории все еще имелись такие фракийские племена и их вожди, которых не смогли уничтожить македоняне, а позднее и кельты. И еще одно вовсе немаловажное обстоятельство ускользнуло от внимания Иречека. Когда он касается восстания фракийцев против кельтов в 213 г. до н. э. (там же), то не отмечает, что тогда против кельтов поднялись не одни только горные фракийцы (Die Bergvölker), так как если власть кельтов над фракийцами оказалась ликвидированной в результате одного лишь восстания, то в этом восстании несомненно должны были принять участие и племена равнинных областей юго-восточной Фракии. Недостаточно подробный очерк Иречека истории Фракии во II в. до н. э. соответствует в известной степени общему и суммарному изложению им исторического развития Одрисского царства IV—III вв. до н. э. Заслуживают внимания также и небольшие отдельные публикации Иречека эпиграфических и археологических памятников Болгарии. Он дал также ряд ценных исследований относительно античного горного промысла и древних путей сообщения на нашей территории²⁴.

В работах Иречека, посвященных античной истории болгарской земли, имеются и другие неизбежные в трудах буржуазного историка недостатки методологического свойства. Так, Иречек считал движущей силой исторического развития географический фактор²⁵. Он

²⁴ K. Jireček, *Archaeologische Fragmente aus Bulgarien: I. Dacia Mediterranea; II. Alte Bergwerke; III. Römische Strassen*, AEM, X, 1886, стр. 129—209; он же, *Das Pontusgebiet und der östliche Haemus*, AEM, X, 1886, стр. 43—104.

²⁵ Весьма характерны в этом отношении рассуждения Иречека относительно вида и особенностей почвы и ее решающего значения для характера культуры нравов, обычаев, подъема и упадка данного народа в начале его «Истории болгар». Достаточно подчеркнута геогра-

²² Эта монография Иречека переведена на болгарский язык С. Велковым под названием: «Военният път от Белград за Цариград и балканските проходи». Бълг. Историческа библиотека, IV, София, стр. 1—168.

²³ По этому вопросу см. Jireček, *Heerstrasse...*, стр. 2 сл., а также Jireček, *История болгар*, Одесса, 1878, стр. 79.

явно преувеличивал роль отдельной личности в истории, что особенно сказало-сь в его истории средневековой Болга-рии.

Тем не менее вдохновенная научная деятельность Иречека служила в значи-тельной мере примером для того поколе-ния, которое работало непосредственно вслед за ним. Его заслуги не оценены до-статочно полно еще и поныне.

Собразно разной подготовке, индиви-дуальным данным и склонностям, равно как и политическим убеждениям, каж-дый по своему, Дринов, Иречек и Каниц отразили в своих трудах различные ас-пекты многовекового исторического раз-вития Болгарии. В одном отношении, впрочем, деятельность их имела много общего и сходного. Приступая к изуче-нию современной для них Болгарии сто-лет назад и Дринов, и Иречек (в особенности они оба), так же как и Каниц, имели ясное представление о том, что для правильного рассмотрения и правдивого отображения современной им болгар-ской действительности необходимо не только припомнить, но и восстановить в общих чертах историческое прошлое болгарской земли в античную и послеан-тичную эпохи.

Феликс Каниц. Венгерский этнограф, географ, художник и археолог Ф. Ка-ниц²⁶ относился с огромным интересом к античному прошлому Болгарии. Из всех работ Каница мы остановимся главным образом на его «Дунайской Болгарии», поскольку по этой работе можно в доста-точной степени судить о его знаниях в области античного прошлого нашей

фическая ориентировка также и во введ-ной главе его книги «Княжество Болга-рии».

²⁶ Имеются в виду преимущественно следующие труды: F. K a n i t z, *Reise in Südbulgien und Nordbulgien*, aus-geführt im Jahre 1864, Wien, 1868; при-менительно к Болгарии очень важны ис-следования Каница по истории города Видина. F. K a n i t z, *Donaubulgien und der Balkan*, *Historisch-ethnogra-phische Reisetudien*, I—II, Lpz, 1860—1879. Русский перевод I тома этого со-чинения вышел под названием «Дунай-ская Болгария и Балканский полуостров», СПб., 1876. Другие труды Каница заслу-живают упоминания в связи с их антич-ной тематикой: F. K a n i t z, *Beiträge zur Altertumskunde von Westbulgien*, «Mitteilungen der Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Bau-denkmäler», XVII, Wien, 1872; он же, *Zur Synonymik der Ortsnomenclatur Ostbulgiens*, «Mitteilungen der Geogr. Gesellschaft», XV, Wien, 1873 и особенно статья: *Tumuli in Nord-und Südbulgien* «Mitteilungen Anthropol. Gesellschaft», VI, Wien, 1876, стр. 200—204.

страны. Но как это выясняется из его работ, он имел самые общие, если не ска-зать поверхностные, знания об античном прошлом нашей страны, особенно отно-сительно ее фракийского и греческого периодов, что отчетливо видно при оз-накомлении с третьим томом его «Дунай-ской Болгарии». Хорошо Каниц был осведомлен преимущественно о периоде римской империи на территории Болга-рии, но и эти его познания почерпнуты из единственной ему известной, но и тогда уже устаревшей книги Маннерта; в лучшем случае его знания основыва-лись на собственных, но не всегда точ-ных и глубоких впечатлениях²⁷. Более углубленные познания обнаруживаются в «Римских изысканиях в Сербии»²⁸. Это исследование материальной культуры Сербии в эпоху империи может служить и служило основой для последующих ис-следований в этой области. В отдельных случаях Каниц внес поправки и уточне-ния в тогдашние сочинения по античной географии²⁹ и истории. Нельзя, однако, упускать из виду того, что Каниц черпал свои сведения об античном прошлом Болга-рии почти исключительно из работ дру-гих авторов и при этом далеко не всегда лучших. Нельзя забывать и того, что он не имел почти никакой подготовки в области древних классических языков. Его трехтомный труд и другие работы о Болгарии находятся на значительно более низком уровне, чем труды К. Иречека. Эти замечания, думается, необхо-димы потому, что ряд наших и загранич-ных ученых склонен переоценивать за-слуги Каница в области балкановедения и специально в области исследования болгарской территории. Говоря это, я далек от желания умалить несомненные за-слуги Каница, состоящие прежде всего в том, что он сообщил тогдашней мировой культурной общественности о настоя-щем и прошлом болгарского народа и его страны³⁰.

²⁷ Особенно типична в этом отноше-нии работа Каница «Südbulgien und Nord-bulgien».

²⁸ F. K a n i t z, *Römische Studien in Serbien*, «Denkschriften der kaiser-lichen Akad. Wiss. Wien, Philos.-hist. Cl.», XLI, 1892, стр. 81—158.

²⁹ Об этом см. «Sachregister» к его «Donaubulgien», стр. 376.

³⁰ О научной деятельности Каница см. J. W e i s s, F. K a n i t z, ein Pionier der Balkanforschung, «Mitteil. der geogra-phischen Gesellschaft in Wien», LXXIII, 1930, стр. 5—21. Следует отметить, что в оценках научной деятельности Ф. Ка-ниц (также и у Вейса) наблюдается из-вестное преувеличение. Такова, напри-мер, характеристика научной деятель-ности Ф. Каница, данная Геза Фехером. Г. Ф е х е р, Феликс Ф. Каниц, живот, пытувания и научно дело, София, 1936.

Адальберт Гёк. Почти одновременно с Пречеком и несколько позднее в области античной истории болгарской земли работали и другие западноевропейские буржуазные ученые, чья деятельность для того времени явилась значительным шагом вперед в направлении к полному и правильному восстановлению истории Фракии в классическую и в начале эллинистической эпохи. Одним из них был немецкий буржуазный историк древности Ад. Гёк. Основная тематика его трудов посвящена истории древней Фракии в классическую эпоху, начиная с докторской диссертации³¹, в которой Гёк рассматривал изменения в афинской внешней политике от 378 до 338 г. до н. э. во Фракии и на Черноморье. Несмотря на то что Гёк исследовал политическое развитие Фракии в указанный период с проафинских позиций, несмотря на ряд других недостатков и упущений, присущих буржуазной историографии, труд Гёка продолжительное время сохранял значение основного исследования политических отношений между Афинами и Фракией в период между основанием Второго афинского морского союза и созывом Коринфского конгресса Филиппом II. Вскоре после опубликования названной диссертации А. Гёк дополнил и уточнил некоторые ее положения в исследовании «О фракийском вожде Кетрипоре»³². Как название, так и содержание этого исследования показывают, что автор его сосредоточил внимание преимущественно на Фракии и менее на Афинах и на их интересах во Фракии. Для того времени такой подход Гёка представлял шаг вперед. Вскоре вслед за появлением упомянутой статьи Гёка в Германии вышло в свет новое издание «Истории Александра Великого» Дройзена. В своем труде Дройзен касался естественно и развития Одрисского царства во второй половине IV в. до н. э. Это побудило Гёка к более подробному рассмотрению некоторых моментов политического развития Одрисского царства во Фракии в V и IV вв. до н. э. Плодом

(passim) и особенно стр. 124 сл. и 136). То же наблюдается и у академика Ст. Романского, България в образите на Феликс Каниц, София, 1909 (passim). Ирек относился значительно критичнее Фехера, Романского и др. к научной деятельности Ф. Каница; см. ряд его замечаний: «Български дневник», Пловдив-София, 1930; т. I, стр. 26, 39, 160, 351; т. II, 1932, стр. 397, 399, сл., 402 и др.

³¹ Ad. H ö c k, De rebus ab Atheniensibus in Thracia et in Ponto ab anno a. Chr. 378 usque ad annum 338 gestis, Diss., Kiel, 1876.

³² Ad. H ö c k, Über den thrakischen Fürsten Ketriporis, «Fleckeisens Jbb. für class. Philol.», 1877, стр.— 836 сл.

его внимания к истории Фракии в классическую эпоху явилось исследование об Одрисском царстве³³. На протяжении примерно полувека эта работа была первым и единственным обстоятельным исследованием в области политической истории древней Фракии в классическую эпоху. Гёк затронул и некоторые вопросы теоретического свойства, как, например, вопрос о характере первого Фракийского государства. Хотя Гёк и не настаивал на наследовании царской власти в Одрисском государстве, охарактеризованные им отношения Терее и его сына Ситалка показывают, что он правильно смотрел на одрисскую царскую фамилию как на основание одрисской династической линии в древней Фракии³⁴.

Другое достоинство исследования Гёка состоит в том, что он рассматривает Одрисское царство как государство. Его династы стремились расширять и укреплять свою власть не только во внутренних областях Фракии, но и на побережье Пропонтиды³⁵. Достаточно ясно показано у Гёка и династическая преемственность, ревниво соблюдавшаяся еще со времен Терее — первого одрисского басилевса. Отметим также и то, что Гёк ясно показал стремление фракийских басилеев к установлению и поддержанию посредством династических браков родственных связей с господствующими слоями соседних с фракийцами народов и племен. У Гёка, как и у многих исследователей после него, правильно отражены и отношения одрисов со скифами и представителями верхушки эллинистических колоний на берегах Эгейского и Черного морей, хотя эти исследователи и не отразили некоторые немаловажные нюансы в этих отношениях. Так, у Гёка, например, не показано, что поздние фракийские династы обнаруживали замечательный реализм в своих отношениях с Афинами и стремились использовать при всяком удобном случае даже и легенду о своей извечной дружбе и «родстве» с руководящей верхушкой Афин. Он не объяснил правильно переход власти от Ситалка в руки Севта. Гёк указал только, что сила (die-Macht) имела преимущественное значение в одрисском обществе, большее, нежели право наследования. Как буржуазный историк, Гёк не мог не впасть в переоценку роли отдельной личности в истории. Этим объясняются формулировки многих

³³ Ad. H ö c k, Das Odrysenreich in Thrakien im fünften und vierten Jahrhundert v. Chr., «Hermes», XXVI, 1891, стр. 76—117.

³⁴ При этом Гёк ссылаясь на Фукидиду (Thuc., II, 29, 1; 29, 2; 29, 4 — места, которые приводит и Гёк, ук. соч., стр. 77 сл.).

³⁵ H ö c k, Odrysenreich, стр. 77 с приведением древних авторов.

разделов его работы³⁶, показывающие, что автор связывает восстановление Одрисского царства единственно с воцарением Котиса I, так же как упадок и разложение этого царства со смертью этого властителя.

Гёк опубликовал позднее еще несколько небольших трудов по истории Фракии IV в. до н. э. В одном из них³⁷, основываясь на новом фактическом материале, он уточняет некоторые подробности в отношении просопографии одрисской династии после Керсobleпта. Автор с полным основанием указывает на связи фракийской династии и ее приближенных (мы добавим, что и широких кругов фракийского общества) с Аполлоновым святилищем в Дельфах. Развитие взаимоотношений между Дельфами и Фракией должно было способствовать распространению культа Аполлона во внутренней Фракии до эллинистической эпохи — обстоятельство, на которое до сих пор еще не было обращено необходимого внимания³⁸. Еще в одной своей краткой статье Гёк уточняет на основании известного тогда фактического материала некоторые моменты политического развития Фракии в IV в. до н. э.³⁹

В. Томашек. Почти одновременно с рассмотренными работами Ад. Гёка появились и труды австрийского буржуазного ученого (чеха по происхождению) В. Томашека⁴⁰ о древних фракийцах. В отличие от Ад. Гёка, чьи исследования посвящены главным образом, как мы видели, политической истории древней Фракии, Томашек, первоначально имевший подготовку в области классической филологии и языковедения, обнаружил специальный интерес к иранистике со склонностью к древней географии и этнографии. Все это придавало трудам Томашека⁴¹ лингвистическо-этнографический и исторический характер. Главный труд Томашека «Древние фракийцы» характеризует историческую концепцию его автора. Не-

смотря на методологические недостатки, равно как и на пробелы в фактическом материале (в те времена еще скудном), это исследование Томашека означало для своего времени значительный шаг вперед. Фактически в этом труде были заложены основы современного фраковедения, в особенности в той его части, которая касается лингвистических и этнографических вопросов. Для нас же особенно интересны именно те разделы в трудах Томашека, в которых затрагиваются вопросы исторического развития древнефракийского общества.

Будучи приверженцем буржуазной миграционной теории, Томашек набросал картину происхождения и первоначального расселения древних фракийцев, которая не может теперь считаться вполне убедительной. Соответственно автору прародиной (die Urheimat) фракийцев был Карпатский район, который с течением времени оказался для них тесным⁴². Так как фракийцы были тогда еще «суровыми горцами, усвоившими быт арийских народов», то сначала они неохотно селились в наносных плодородных низинах Балканского полуострова, так как обработка земли в тех местах требовала напряженных усилий. Поэтому когда фракийцы заселили земли к югу от Нижнего Дуная, то они предпочитали гористые районы Балканского полуострова. Там они могли заниматься скотоводством и одновременно держать в подчинении покоренные им племена, поскольку последние не покинули свои земли и не переселились в Малую Азию и на острова Эгейского моря. Когда же «горным» фракийцам потребовались дополнительные территории, они направились в речные долины и низины в восточной половине Балканского полуострова. В настоящее время не могут быть признаны правильными представления Томашека относительно этнической принадлежности фракийцев. Наш автор полагал, что фракийцы разделяются на две основные и большие группы: 1) собственно фракийцы, которые были примитивны, но благодаря тому, что они остались на Балканском полуострове, сохранили свою первоначальную мощь, вследствие чего они смогли играть руководящую роль в истории; 2) другие фракийцы, которые принадлежали к так называемой фригийско-мезийской группе. Они происходили от балканских фракийцев, но вследствие того, что их основным занятием было оседлое земледелие и вследствие их «интеллектуально-духовных склонностей» (кавычки Хр. М. Да-

³⁶ Ad. H ö s k, Die Söhne des Kersebleptes von Thrakien, «Hermes», XXXIII, 1898, стр. 626 сл.

³⁷ Припомним в связи с этим подобные же мысли о Севте II: X e n o p h., Anab., VII, 2, 31, а также и далее.

³⁸ Из более ранней литературы по этому вопросу упомянем только лишь P. P e r d r i z e t, BCH, XX, 1896, стр. 466 сл.

³⁹ Ad. H ö s k, Zur Geschichte des Thra-kerkönigs Kotys I, «Klio», IV, 1904, стр. 265—269.

⁴⁰ О жизни и научной деятельности В. Томашека см. некролог в «Almanach der Wiener Akademie der Wissenschaften», т. 48, 1898, стр. 293 сл. и т. 52, 1902, стр. 291 сл.

⁴¹ W. T o m a s c h e k, Die alten Thraker, SBAWW, CXXVIII, 1893, стр. 1—130; CXXX, 1894, стр. 1—70 и CXXXI, 1894.

⁴² Сводное исследование, в котором имеются элементы исторического труда, представляет работа: W. T o m a s c h e k, Zur Kunde der Hämus-halbinsel, Phil.-hist. Kl., SBAWW, XCIX, 1881, Н. 2, стр. 437 сл. См. особенно раздел о Пауталии или о современном Кюстендиле.

нова), они были значительно слабее первых. Эти фракийцы были, по выражению Томашека, «обречены» (кавычки *Хр. М. Данова*) на принятие эллинской культуры и на поглощение их ею. Взгляды Томашека на происхождение мезийцев и фригийцев характерны для тогдашнего уровня фраковедения.

Отмеченные ошибки концепции Томашека о первоначальном развитии фракийских племен не помешали ему отметить то реальное обстоятельство, что вследствие переселения фригийско-мезийских племенных групп с Балканского полуострова в Малую Азию (переселение, которое, как он предполагал, началось еще в VIII в. до н. э.) в «настоящей» Фракии, т. е. на нынешней болгарской территории, в течение так называемого гомеровского периода совершилось значительное распространение того населения, которое осталось на этой территории после того как ее покинули армено-фригийские и мезийские элементы. Томашек не уточняет, к какому периоду относится это предполагаемое им переселение балканских или соответственно его терминологии «настоящих фракийцев». Томашек не разъясняет определенно и того, к какому времени приурочивает он свое утверждение, что балканские фракийцы были постоянно разъединены и что они «оборонялись» (по всей вероятности объединяясь. — *Хр. М. Д.*), лишь когда над ними нависала непосредственная опасность». Очевидно, это утверждение Томашека относится к фракийцам, населявшим Балканский полуостров в период образования Одрисского царства в нынешней юго-восточной Болгарии и европейской Турции, т. е. самое позднее на исходе гомеровской эпохи.

Неприемлемым является и другое мнение Томашека, что истинные фракийцы «вопреки их контрастным различиям» с фриго-мезийцами с течением времени восприняли от последних фриго-мезийские оргиастические культы. Неверным является также и то мнение Томашека, что подлинные фракийцы якобы не по собственному желанию, но будучи к этому вынуждены начали с течением времени заниматься физическим трудом, в частности горно-рудным делом. Более опытными в рудном деле Томашек считал фригийцев. Исследования в области фригийской материальной и духовной культуры за последние 60 лет показывают, что металлодобыча и металлообработка в их стране не предшествует этапам соответствующего развития фригийцев на территории нынешней Болгарии.

Томашек не знает случая и не допускает даже мысли о том, что фракийцы задолго до того, как они стали заниматься горным делом, были знакомы с земледелием и скотоводством в их оседлой форме. Поскольку Томашек интересовала струк-

тура племен вообще и специально структура фракийских племен, он высказал интересную, не потерявшую до сего времени значения догадку, что асты были одним из тех племен, которые образовали ядро одриссов, и что может быть после похода персов на европейских скифов и в Элладу одриссы начали играть руководящую роль среди фракийских племен. Томашек был одним из первых исследователей, высказавшим мнение⁴³, которое обычно приписывается Белоху, что до похода персов в Европу фракийские племена были разрозненны и что они восприняли и осознали себя в «национальном» отношении лишь только после похода Дария против скифов. В бассейне реки Гебра, который, по мнению Томашека, представлял собой некое географическое единство, после персидского похода одриссы завоевали господствовавшие над остальными фракийцами положение, вследствие чего их царь стал именоваться с тех пор *Θρηκίων Βασιλεύς*. Томашек не уделил почти никакого внимания социальным отношениям, существовавшим у фракийцев. Он полагал, что возникновение государства у фракийцев было результатом толчка к объединению, который фракийские племена получили в результате похода Дария против скифов.

Воздействие западной буржуазной историографии не ослабело и даже усилилось в исследованиях последующего поколения наших историков и археологов во главе с крупнейшим болгарским знатоком древности акад. Г. И. Кацаровым. Не без известного сожаления надо отметить тот факт, что Дринов и Иречек проявляли в некоторых отношениях значительно большую критичность и самостоятельность, хотя в этом случае мы не можем не учитывать различий в обстановке, в которой формировались и работали Дринов и Иречек, с одной стороны, и Кацаров, Филлов и остальные наши ученые нынешнего поколения, — с другой.

Дринов получил свое общее образование в России, Иречек — в Вене и в Праге, а Кацаров и Филлов — в Германии, в так называемую «вильгельмовскую эру». Это было время, когда германский империализм принял самые неприкрытые формы во внутренней и внешней политике имперской Германии (особенно в университетской жизни), политике в отношении Балканского полуострова и Ближнего Востока. В то время, когда Г. И. Кацаров ехал в Лейпциг, а Б. Филлов — во Фрейбург (в Брейсгау), неоспоримым авто-

⁴³ Томашек, ук. соч., 1, стр. 81. Это мнение приписывается обычно К. Белоху (К. J. Beloch, *Griechische Geschichte*, III, 2, В., 1922, стр. 85). См. об этом Г. И. Кацаров, *Происход и пръв разцвет на Одриското царство в Тракия*. Уч. Пр., XXXII, 1933, стр. 739 сл.

ритетом в области истории древней Греции считался Георг Бузольт⁴⁴, со своей обстоятельной и солидно построенной, хотя и не завершенной, но фактологически добросовестно разработанной «Греческой историей», и в особенности такие крупные немецкие буржуазные историки, как Эд. Мейер⁴⁵. Следует также сказать, что до настоящего времени исключительно сильное влияние в области римской истории оказывал Теодор Моммзен. Наряду с трудами Моммзена у нас в конце XIX и в первой половине XX в. пользовались известностью работы и других, менее значительных немецких, австрийских и др. буржуазных специалистов по истории провинций Римской империи.

В монументальной «Греческой истории» Бузольта уделяется известное внимание истории древней Фракии в классическую эпоху⁴⁶. Бузольт особо подчеркивает оживление дипломатических отношений между Афинами и Одрисским царством. Подобно почти всем буржуазным историкам до и после него Бузольт недооценивал значения фракийских одриссов в качестве союзников Афин во время Пелопоннесской войны. Но собранные Бузольтом факты показали, и это правильно уловил Эд. Мейер, а до него и Белох, что наличие многочисленных фракийских племен в непосредственном соседстве с Грецией чувствительно влияло на ее внешнеполитические обстоятельства во многие решительные моменты ее истории в V в. до н. э. Представлялось правильным мнение Эд. Мейера о том, что центр южной Фракии, точнее одрисская территория, послужила ядром для образования единого и большого фракийского царства. Важную роль в этом процессе играла, помимо социального расслоения в недрах одрисского общества, еще и «воля последних (т. е. одриссов) и их вождей действовать там, где это было необходимо, силой оружия». По Мейеру (ук. соч., IV¹, стр. 722) Терей и Ситалк «собрали и образовали одно из тех еще весьма эфемерных царств, которые часто возникают и распадаются у некоторых некультурных народов». Как и в других случаях, так и

здесь, Мейер недооценивает значения Одрисского государства как государства «варварского». Мейер рассматривал фракийское общество совершенно изолированно от средиземноморских и особенно северобалканских стран. Он не отметил никаких самобытных черт в развитии древних фракийцев, хотя, конечно, не мог их не заметить. И в этом случае Мейер проявил европоцентризм, характерный для большинства реакционных представителей буржуазной историографии в отношении к так называемым варварским народам. Все же он не преминул отметить большие размеры дани, введенной одрисскими династами, так же как и многочисленные военные силы, которыми они могли располагать в случае необходимости. Мейер не мог обойти молчанием и то, что во время своего наивысшего могущества Афинам было необходимо состоять в дружбе и союзе с Одрисским царством, заботясь одновременно и о том, чтобы держать одриссов возможно дальше от своей собственной территории. Мейер правильно указал и на то, что вопреки отмеченной сдержанности в Афинах в их отношениях с фракийцами, одной из главных задач внешней политики Афин было сохранение их привилегированного положения в торговых отношениях с Одрисским царством. Таким образом, хотя и косвенно, Мейер признавал и важную роль, которую Фракия играла в экономике Афин — самого развитого из полисов Греции. Тот факт, что Мейер упоминал о договорах и уступках экономического, территориального и политического свойства⁴⁷, которые афиняне оказывались вынужденными предоставлять в различных случаях одриссам, показывает, что этот ученый квалифицировал, хотя и косвенно, роль фракийского государства как важный фактор в истории Греции в классическую эпоху.

Что же касается отношения Эд. Мейера к древнефракийской проблеме в целом и особенно относительно роли и значения Фракии и ее населения в доклассическую эпоху, нельзя не отметить, что он недооценивал фракийцев как непосредственного соседа Эллады. У Мейера господствовало представление, что Балканский полуостров был отгорожен (abgeschlossen) от юга. Вследствие этого, хотя он и находился в непосредственной близости от Эгейского моря, он оставался совершенно не затронут (völlig unberührt) средизем-

⁴⁴ G. B u s o l t, Griechische Geschichte, I—II, Gotha, 1855—1888.

⁴⁵ Ed. M e y e r, Geschichte des Altertums, Stuttg., 1884—1902.

⁴⁶ B u s o l t, Griechische Geschichte, Gotha, 1893—1904, т. III, 1 стр. 557 сл., а также т. III, 2, стр. 920, 937 сл. и 970 сл. Необходимо отметить, что болгарские историки древности предшествовавшего поколения обращали сравнительно мало внимания на «Греческую историю» Бузольта. Предпочтение отдавалось «Истории древности» Эд. Мейера и преимущественно тем ее разделам, в которых излагалась история Греции. На втором месте в поле их зрения находилась «Греческая история» К. Белоха.

⁴⁷ Такими уступками были, например, достаточно частые дарования афинского гражданства многим фракийским династам, вождям племен и их сыновьям. Мейер был для своего времени единственным и первым буржуазным исследователем, который использовал в первом издании своей «Истории древности», т. IV, стр. 73, данные пумизматики и в особенности данные списков фороса Афинам.

номорской (т. е. крито-микенской) культурой⁴⁸. Эд. Мейер отдавал значительную дань идеологической позиции, признающей решающую роль «сильной» личности в истории⁴⁹.

Рассмотрение этих положений, высказанных в некоторых произведениях Эд. Мейера и относящихся к истории развития древнефракийского общества, мы сочли необходимым, поскольку его авторитет, созданный за два десятилетия в Германии перед первой мировой войной, оказывал во многих случаях свое воздействие и на концепции наших историков-антиковедов предшествовавшего поколения.

Заятия К. Белоха в области древней истории Фракии были подчинены его непосредственным интересам истории древней Греции. Характеристика, данная Белохом Одрисскому царству, отличается до известной степени от характеристики Эд. Мейера. Прежде всего Белох менее обстоятельно, чем Мейер, занимался Одрисской державой, и поэтому данная им оценка этой державе менее глубока и недостаточно правильна⁵⁰. В то же время Белох указал на значение, какое имел для Афин их союз с одриссами. При этом он полагал, что сведения Фукидида о многочисленности фракийских войск, действовавших на стороне Афин, неминуемо преувеличены.

Соображения Белоха в отношении фракийских царей заслуживают наибольшего внимания. По мнению Белоха, во время завоевательного похода персов в Скифию, во Фракии не существовало никакого значительного царства. Каждое племя образовывало отдельное государство. Последующее завоевание Фракии персами Белох представил в виде действительного и продолжительного персидского владычества. Оно разбудило «национальное чувство» фракийцев и вслед за изгнанием персов из Фракии, одрисский царь объединил всю страну под

своей властью. Без сомнения, Белох справедливо характеризовал Одрисское царство как государство. Но он пренебрег почти полностью внутренним развитием фракийского общества, до того как оно организовалось в виде государства. По Белоху возникновение Одрисского царства во Фракии было результатом «национальной реакции фракийцев на персидское завоевание»⁵¹. Воздействие концепции К. Белоха на научно-исследовательскую деятельность наших историков-антиковедов было более слабым, чем влияние Эд. Мейера и Р. фон Пельмана.

Братья Херменгильд и Карел Шкорпил. При рассмотрении деятельности и успехов наших и иностранных антиковедов предшествовавшего поколения нельзя не отметить заслуженного места научно-исследовательской и популяризаторской деятельности братьев Херменгильда и Карела Шкорпил. Хотя ни Херменгильд, ни Карел Шкорпилы не были по образованию ни филологами классиками, ни историками, ни археологами, нельзя не отметить и ныне многосторонности интересов обоих чешских пионеров в области болгарского антиковедения. Особенно это относится к Карелу Шкорпилу. Его заслуги в деле исследования материальной культуры Фракии, Добруджи и западнопонтийской области были недавно предметом заслуженного чествования со стороны болгарской научной и культурной общественности⁵². Нельзя не отметить и то, что наше общество и в прошлом отдавало должное трудам К. Шкорпила⁵³.

По происхождению чех, для которого Болгария сделалась второй родиной, К. Шкорпил был глубоко чужд увлечениям немецкой и вообще западноевропейской буржуазной археологической и исторической науками. Так как Шкорпилу недоставало солидной подготовки в области классических языков, равно как и специальных знаний по истории древнего мира (хотя он и его брат Херменгильд со временем восполнили пробелы своего об-

⁴⁸ Мейер, ук. соч., II, 1893, стр. 61 сл. Эта формулировка сохранена с незначительными изменениями и в последующих изданиях труда Эд. Мейера.

⁴⁹ Ed. Meyer, The Development of individuality in Ancient History, лекция, прочитанная в Чикагском университете в 1904 г. «Record of the University of Chicago», IX, стр. 56 сл.; Ed. Meyer, Zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums, «Kleine Schriften», I, Halle, 1910, стр. 215 сл. и особенно стр. 229 сл. В особенности поучителен пример пристрастия этого ученого к личности Августа: Ed. Meyer, Kaiser Augustus, «Kleine Schriften», I², Halle, 1924, стр. 443 сл.

⁵⁰ Beloch, Griechische Geschichte, В.—Lpz, 1914, II², стр. 310 сл.; III², стр. 85.

⁵¹ Против этого мнения Белоха высказался наш известный историк древности покойный акад. Кацаров, ук. соч., стр. 739. Кацаров резонно подчеркнул, что власть персов во Фракии была весьма кратковременной, чтобы иметь возможность вызвать у фракийцев такое сильное негодование, какое могло бы их заставить объединиться в государство. Кацаров не успел полностью и правильно выяснить истинные причины возникновения государства у передовых по своему развитию фракийских племен.

⁵² Сб. «Исследования в памет на Карел Шкорпил», София, 1961.

⁵³ Ив. Стоянов, Карел Шкорпил и българската археологическа и историческа наука, «Byzantinoslavica», V, 1934, стр. 183—230.

разования) ему не всегда удавались исследования обобщающего характера⁵⁴. С большой добросовестностью К. Шкорпил старался фиксировать и воспроизводить с возможной точностью эпиграфические тексты, как и другие различные открытые им памятники. Немалы заслуги К. Шкорпила в развитии музейного дела в болгарских провинциальных городах и особенно в Причерноморье. Нельзя умолчать также и о проводимой им популяризации знаний по древней истории нашей страны посредством выпуска множества общедоступных статей и брошюр, созыва съездов и конгрессов локального и международного значения.

Нашим самым крупным исследователем Фракии и Македонии был и остается ныне покойный акад. Г. И. Кацаров, который был глубоким знатоком фракийского мира не только в болгарском или балканском масштабах. Десятки выпусков нашего университета (до сентября 1944 г.) были воспитаны под его отеческим теплым руководством и наблюдением. Этот ученый обладал также большим личным обаянием. Сформировавшись в большой степени как буржуазно-либеральный ученый, Кацаров и по темпераменту был склонен к известному эклектизму в своей научной и учебно-педагогической деятельности. Его ученики и ближайшие сотрудники помнят, что он был одним из немногих университетских преподавателей, предпочитавших рекомендовать советские учебники при подготовке к экзаменам по истории древнего мира. Одновременно с этим у Кацарова чувствовалось известное преклонение перед немецкой буржуазной наукой. Эти замечания отнюдь не умаляют моего глубокого уважения к научной деятельности моего высокочтимого учителя и дорогого друга, ни моих искренних намерений помочь таким образом нашим молодым ученым в их формировании как историков-антиковедов.

Наиболее сильное (и следовало бы сказать, наиболее вредное) влияние на значительный период научного развития акад. Кацарова оказал Р. фон Пельман. Его «История античного коммунизма и социализма» (т. I, 1893, т. II, 1901) была

⁵⁴ Это не значит, что К. Шкорпил не создал исследовательских трудов. И ныне заслуживают специального упоминания его этюды по истории г. Одесса. Укажем также на его статью «Одесус и Варна», ИВАД, III, 1910, стр. 3—23 (подписанную и Х. Шкорпилом), а также статью «Материалы за историята на Варна», V отчет на Варненското Археологическо Д-во за 1910 г., Варна, 1911, стр. 9—18; публикацию античных памятников по материальной культуре Варны, II, ИДАД 1909. О других трудах К. Шкорпила см. упомянутую выше статью — Стоянов, Карел Шкорпил..., стр. 206—209.

особенно известна⁵⁵ в университетской и вообще интеллектуальной среде тогдашней Германии. Как раз в то время, когда научная репутация Пельмана достигла апогея, Г. И. Кацаров отправился в Лейпциг, а позднее специализировался у самого Пельмана в Мюнхене. Понятно в связи с этими обстоятельствами, что в научных и научно-популярных трудах акад. Г. И. Кацарова⁵⁶, написанных в начале XX в. перед первой мировой войной, чувствовалось достаточно сильно влияние буржуазного модернизма применительно к историческому процессу в древности.

Влияние упомянутых немецких буржуазных историков древности на труды

⁵⁵ В то время шли горячие споры относительно характера основных форм античной экономики. Главным оппонентом в этом споре между экономистами и историками со стороны экономистов был лейпцигский политик-экономист К. Бюхер. Со стороны историков древности главное место занимали упомянутые уже Эд. Мейер, К. Белох и Р. фон Пельман. По пути модернизации античного общества далее всего пошли, бесспорно, Эд. Мейер и Р. фон Пельман. О споре между Мейером и Бюхером (а следовательно, Родбертусом) см. Ed. Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, «Kleine Schriften», стр. 80—89 и сл.

⁵⁶ См., например, Г. И. Кацаров, Приноси към историята на древността. Първа редица, София, 1920; «По въпроса за аграрния комунизъм на старите гърци», стр. 14—27; «Из социалната философия на Платона», стр. 39 сл.; см., кроме того, статью «Из историята на социалния въпрос в Стара Гърция», стр. 70 сл., которая в большой степени основана на книге Пельмана (R. v. Pöhlmann, Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, 2-е изд., I, стр. 211 сл.). То же самое можно сказать и о статье «Гръцкият политически роман» — Кацаров, Приноси..., стр. 90 сл., прим. I. Стремление модернизировать античный исторический процесс заметно и в некоторых других трудах Кацарова, что даже видно по их заглавиям. См., например, G. Kazarov, Der liparische Kommunistenstaat, «Philologus», 62, 1903, стр. 157—160 и особенно J. Kazarov, Zur Geschichte der sozialen Revolution in Sparta, «Klio», VII, 1907, стр. 45—57. Несмотря на ряд правильных возражений против ошибочного понимания Белохом характера реформы, произведенной в Спарте Агисом и Клеоменом, и несмотря на привлечение тогдашней русской дореволюционной литературы по этому вопросу (работ Хвостова и Жебелева), Кацаров защищал в основных чертах взгляды Пельмана на общественный строй Спарты и всецело принимал его модернистскую терминологию.

Г. И. Капарова чувствуется главным образом при рассмотрении некоторых проблем, относящихся к общему развитию Греции и Рима в древности и сказывается слабее в тех его работах, где трактуются вопросы античной истории нынешней болгарской земли⁵⁷. В некоторых трудах Г. И. Капарова, посвященных древней Фракии, ощущается влияние видного немецко-австрийского языковеда-компаративиста Пауля Кречмера⁵⁸. Достаточно сильное влияние имела на Капарова и других историков русская буржуазная историография в области античности и в особенности исследования проф. М. И. Ростовцева. Как и некоторые другие наши ученые, Капаров испытал также влияние некоторых концепций известного венского балкановеда и антиковеда акад. Карла Пача.

Сначала о влиянии М. И. Ростовцева. Может быть, в силу некоей случайности автор этих строк является одним из немногочисленных болгарских деятелей древнеисторического фронта, который знал Ростовцева лично и общивался с ним научным опытом. О Ростовцеве я писал уже по другому поводу⁵⁹. Да будет мне позволено напомнить еще и о том, что значительное влияние Ростовцева на последующее поколение историков выразилось в том достаточно красноречивом факте, что его двухтомная «История древнего мира»⁶⁰ была переведена на болгарский язык и служила вплоть до нашей социалистической революции универсаль-

ным учебником на протяжении более чем десятилетия.

Карл Пач. В отличие от Ю. Юнга, чьи сочинения получили некогда сравнительно слабый отклик в нашей научной среде, труды Карла Пача⁶¹ продолжают пользоваться значительным уважением среди наших ученых и в настоящее время. Пишущий эти строки, будучи воспитанником Венского университета, является одним из немногих болгарских историков-антиковедов, которые знали Пача ближе как человека, учителя и как исследователя. Не подвергая никакому сомнению эрудицию К. Пача, одного из своих университетских преподавателей и руководителей, я не могу обойти и без надлежащей критики некоторых основных моментов в развитии его взглядов. Этот ученый был пропитан идеями бывлой «дунайской монархии» и не случайно он возглавлял Балканский институт в Сараеве на протяжении десятилетий. После крушения Австро-Венгерской империи Пач возглавил Балканский институт в Вене, заместив на этом посту К. Иречека, который предпочел остаться в Праге. Пач старался уподобить Австро-Венгерской империи Римскую империю, усматривая в последней наиболее существенный фактор порядка и справедливости в античном мире. Пач видел в римско-католической церкви, уже в ее наиболее ранний период, второй существенный фактор такого порядка и справедливости.

С таким примерно идейно-политическим вооружением Пач приступил в двадцатые годы нынешнего столетия к обобщению своих многолетних исследований⁶² по истории нижнедунайских территорий в античное и позднеантичное время. То, что прежде всего бросается в глаза в его изложении, это, как мы бы сказали, его «оборонческая» позиция, с которой он излагал даже самые трудно оправдываемые завоевания римлян, так же как и их неоспоримые поражения. Эта черта в деятельности Пача усиливалась позднее с каждым годом. Рассмотрим несколько примеров только из трех наиболее зрелых работ Пача⁶³, появившихся в период

⁵⁷ См., например, G. K a z a r o w, Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker, Sarajevo, 1916, стр. 2, прим. 1.

⁵⁸ См., например, Г. И. К а п а р о в, Ролята на старите траки в предисторията и протонисторията на Балканския полуостров и Мала Азия, IV отчет на БАН за 1924 г., стр. 14—42 (passim), но особенно стр. 25, прим. 1 и 2; стр. 26, прим. 1; стр. 29, прим. 3; стр. 33, прим. 4. Особенно характерно влияние Кречмера, когда Капаров (стр. 35, прим. 2) принимает его неправильное утверждение о том, что город Византий был основан и назван илирийцами (!).

⁵⁹ См. Chr. D a n o f f, Michael Rostovtzeff, Die hellenistische Welt, Gesellschaft und Wirtschaft, I—III, Stuttg., 1955—1956; рец. в «Deutsche Literaturzeitung», 78 Jahrgang, Heft II, November, 1957. См. и мой отзыв на английское издание того же труда в «Исторически преглед», год III, 1946/1947, кн. 2, стр. 244—248, в котором я в то время не мог взглянуть на него с правильных методологических позиций.

⁶⁰ М. И. Р о с т о в ц е в, История на стария свят, I, Изток и Гърция, София, 1932; см. предисловие акад. Г. И. Капарова, стр. 2—5; М. И. Р о с т о в ц е в, Римска история, София, 1937, с предисловием проф. Я. Тодорова, стр. 1—3.

⁶¹ См. некролог К. Пача, написанный акад. Г. И. Капаровым, ИАИ, XVII, 1950, стр. 192.

⁶² Почти полный список трудов К. Пача периода 1925—1945 гг. см. в вышеупомянутом некрологе этого ученого, написанном акад. Г. И. Капаровым, ИАИ, XVII, стр. 193.

⁶³ C. P a t s c h, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, III. Die Völkerbewegung an der unteren Donau in der Zeit von Diokletian bis Heraclius, SBAWW, phil.-hist. kl., 208, 2 Abh., Wien, 1928; о н ж е, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V. Aus 500. Jahren vorrömischer und römischer Geschichte Südosteuropas, I Teil, SBAWW, 214,

1928—1937 гг. Уже в первой из указанных работ автор настаивает на определении оборонческой (оборонительной) позиции Римской империи. При этом напирывшие на границы империи варвары характеризуются как «Gegner des Reiches», «Unruhestifer» и др. Систематический напор различных варварских племен на дунайский лимес определяется им как «Unwesen» (бесчинство) или как «Dreistigkeit» (нахальная дерзость)⁶⁴. Одновременно с этим в названной работе Пача ярко выступала его заинтересованность в судьбе раннехристианской церкви, обьятой в 60-е гг. IV в. н. э. ожесточенной борьбой между различными христианскими сектами и их взаимным преследованием (там же, стр. 57—60). Следует отметить и большую озабоченность в отношении единства и целостности Римской империи, заметную и вначале, с которой Пача излагал поражения, которые римляне потерпели в правление Домициана от даков. Он называет место разгрома римских войск, предводительствуемых Г. Оппием Сабинном, «Ort des Unheils»⁶⁵. Мы не стали бы уделять так много внимания оборонительной позиции Пача, если бы эта точка зрения не влекла за собой искажения или по меньшей мере сознательного замалчивания исторической истины, признанной даже и таким крупным немецким буржуазным историком древнего Рима, как Теодор Моммзен⁶⁶. «Защита» римских позиций на Нижнем Дунае продолжалась у Пача и в следующей главе его упомянутого труда, носящей заглавие «Domitians Verdienst um die Donaugrenze»⁶⁷, равно как и в нападках на Моммзена, Домашевского и Парибени. Пача атаковал также и сторонников идеологического разложения империи (там же, стр. 45). Исследовательская деятельность Пача, посвященная продолжительному периоду античной истории современной болгарской земли, в особенности же его усердное собирание и упорядочение весьма разбросанного и распыленного материала источников той эпохи вызывает наше искреннее уважение. Но мы решительно отвергаем методологические и идейно-политические позиции автора, с которых он интерпретировал значительную часть этого ценного фактического материала.

Отрицательное воздействие западной буржуазной и в особенности немецкой

1 Abh., Wien, 1932; он же, *Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Trajan* (Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V/2), SBAWW, phil.-hist. kl., 217, 1 Abh.

⁶⁴ P a t s c h, Beiträge, III, стр. 6, 37; особенно стр. 63 сл. 38.

⁶⁵ Там же, V, 2, стр. 18; ср. стр. 5 и 20.

⁶⁶ Th. M o m m s e n, Römische Geschichte, V, стр. 201.

⁶⁷ P a t s c h, Beiträge, V, 2, стр. 44.

историографии было весьма значительным на младшего современника Г. И. Кадарова — Б. Филова. Как специалист по археологии и искусству Филлов обладал солидной научной подготовкой и немалой эрудицией. Во время своего университетского обучения в г. Фрейбурге он приобрел вместе с высшим образованием специальную подготовку по истории Рима императорской эпохи. После этого он специализировался по античной и средневековой археологии — области, в которых он впоследствии развил оживленную и результативную научную деятельность. Последующая деятельность Б. Филова в бытность его у руководства болгарской политикой во время монархо-фашистской диктатуры оказалась антинародной. Заслуживает упоминания прежде всего тот факт, что Филлов проявлял «активную склонность» к политике, сочетающуюся с не менее определенной политической амбицией. В его научных и научно-популярных трудах наблюдалась тенденция представлять оккупацию северобалканских стран римлянами как акт, содействовавший культурному подъему местного фракийского населения. Эта тенденция еще в раннем творчестве Филова нашла свое наиболее яркое выражение в одном из его докладов, напечатанном впоследствии в виде обширной статьи⁶⁸, в которой Филлов рассматривает внешнюю политику Рима по отношению к северобалканским и специально болгарским землям в эпоху правления Траяна. Было бы излишне, по нашему мнению, изыскивать конкретный идейный источник, которым в данном случае пользовался Филлов. Будет достаточно, если мы напомним, что воспевание «культуртрегерской» роли завоевательной экспансии Рима вне Италии является *locus communis* почти во всяком произве-

⁶⁸ Б. Ф и л о в, Император Траян и днешните български земи, ИБАД, V, 1915, стр. 177 сл. Завоевательную политику римлян Филлов характеризует в названной статье (стр. 180) как «великие дела». Он идеализирует римские завоевания времен Цезаря (стр. 181). Эксплуатация и угнетение местного фракийского населения представлены Филловым (стр. 200) как реформы, направленные на поднятие экономического быта и увеличение народного благосостояния. Он говорит о значительных богатствах, накопленных местным населением (стр. 207), не отдавая себе отчета в том, что сокровища того типа, какие были открыты в селе Николаеве (Плевнинского округа), принадлежали богатой верхушке фракийцев, которая капитулировала перед римскими завоевателями и помогала их делу. Об упомянутой находке драгоценностей в с. Николаеве см. Б. Ф и л о в, Римското съкровище от Николаев, ИБАД, IV, 1914, стр. 1—48.

дении буржуазной западноевропейской историографии. В рассматриваемой работе Филова не чувствуется самостоятельного и сколько-нибудь глубокого проникновения в причины, ради которых Траян употребил столько «забот» в отношении Мезии и Фракии. Эти «заботы» были проявлены не только для «обеспечения» спокойствия двух важных римских провинций — Македонии и Греции (Император Траян..., стр. 180), но и с намерением прочного овладения завоеванной территорией. Она должна была служить для римлян исходной позицией и базой снабжения при осуществлении их агрессивных планов в отношении дакийских земель к северу от Нижнего Дуная⁶⁹. Только лишь в некоторых своих работах, вышедших до 1915 г., Филлов проявлял известную симпатию и выделял некоторые яркие моменты героического сопротивления местного населения в борьбе с римскими завоевателями. Он не мог замолчать и того⁷⁰, что неравная борьба местного населения против превосходящей его военной организации римлян вела неизбежно к систематическому истреблению коренного фракийского населения. С другой стороны, уже в начале своей научной деятельности Филлов разделял характерную для буржуазной историографии европоцентристскую концепцию в оценке римских завоеваний в северобалканских областях.

⁶⁹ Характерно и то, что Филлов не упоминает ни единым словом о первоначальном ограблении и последующей систематической эксплуатации, которой была подвергнута богатая страна даков после завоевания ее римлянами: см. Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1956, стр. 418 и особенно И. Т. Круглова, Дакия в эпоху римской оккупации, М., 1955, стр. 72 сл. Даже такой буржуазный ученый, как Каркопино (J. Carcopino, Points de vue sur l'impérialisme romain, P., 1934, стр. 80 сл.; он же, Les richesses des Daces et le redressement de l'Empire, Dacia, I, стр. 31 сл.), не скрывал грабительского характера войн Траяна.

⁷⁰ См., например, В. Filow, Die Legionen der Provinz Moesia von August bis Diocletian, «Klio», 1906, Beiheft VI, стр. 86 сл. Филлов признавал действительно, с одной стороны, непреклонную волю к свободе у фракийцев и даков. Однако в только что указанном месте его докторской диссертации встречаются и формулировки, свидетельствующие об идеализации им римской агрессии в северо-восточной части Балканского полуострова. Так, по Филлову, северобалканские племена и народы были «не пригодны для римской культуры», а римская власть осуществлялась этой «высокоразвитой культурной державой».

Еще одним из наших ученых, занимавшихся историей болгарской территории в античную эпоху, был покойный акад. Д. Дечев. Хотя по своему университетскому образованию и по склонности Дечев был филологом-латинистом с подчеркнuto языковедческим интересом, его трудолюбивое перо отдало дань античной этнографии, истории религии и археологии нашей страны, что отразилось в нескольких насыщенных фактическим материалом статьях⁷¹. Необходимо, думаю мне, отметить здесь, что научно-исследовательская деятельность акад. Д. Дечева в области истории религии, так же как и истории нашей территории в древности, не сопровождалась такими успехами, какие несомненны в его филологических исследованиях и лингвистических переводах, а также в книгах педагогического назначения⁷². Покойный акад. Дечев был воспитан, по нашему мнению, как классический филолог. Хотя его докторская диссертация была на литературоведческую тему⁷³, Дечев не проявил особой склонности к научно-исследовательской деятельности в области античной литературы. По завершении своего университетского образования в Геттингене Дечев начал работать в области грамматики классических языков, а также занялся переводом произведений римской и греческой классики. Несколько позже он приступил к изданию и истолкованию памятников греческой и латинской эпиграфики, а еще позже — к собиранию свидетельств древнефракийского языка. Затем он обратился к археологии и истории болгарской территории в античную эпоху. Занятия Дечева последними вопросами не привели, пожалуй, к сколько-нибудь обобщающим результатам. Нескольким иначе обстоит дело с некоторыми трудами Дечева в области истории религиозного синкретизма в античную эпоху на болгарской земле, хотя и тут многие из основных его положений могут быть оспорены. Так, мнение Дечева о фракий-

⁷¹ О них см. сборник «Исследования в честь на акад. Д. Дечев по случай 80-годишнината му», София, 1958 и особенно библиографию трудов Д. Дечева, составленную Т. Сарафовым, там же, стр. X сл.

⁷² См. некролог Д. Дечеву: Chr. Dapnoff, Südostforschungen, Münch., 1959, стр. 396—398. В этом отношении едва ли можно согласиться с проф. Б. Геровым, который в своей статье, посвященной жизни и научной деятельности Д. Дечева, дал почти одинаково высокую оценку всем трудам своего учителя «Исследования в честь на акад. Д. Дечев по случай 80-годишнината му», стр. VI—VIII.

⁷³ D. Detschew, De tragoediarum Graecarum conformatione scaenica ac dramatica, Goettingen, напечатана в Софии, 1904.

ском происхождении бога Асклепия⁷⁴ не поддерживается ныне никем. Серьезные возражения вызывает ряд положений Д. Дечева о «семейной триаде»⁷⁵ во фракийской религии. В ней неприемлема не только методологическая основа автора (статья написана всецело с позиций идеализма и буржуазного формализма), но не убедителен и его научный метод в отношении этнического и языкового материала, когда Д. Дечев пытался показать фракийскую основу некоторых культов по своему происхождению древнегреческих. Дечев в этом случае изложил свои мнения (скорее предположения) в отношении культа фракийских божеств Збелсурда, Иамбадула и Диониса, которые он представил в качестве триады во фракийском пантеоне. Автор считал, что он установил и связи этой фракийской тройцы с соответствующими и предшествовавшими ей культурами греческого пантеона, а именно — Зевса, Геры и Деметры (или Персефоны). Малоубедительна также высказанная и отстаивавшаяся Д. Дчевым в этом исследовании гипотеза⁷⁶, соответствующая которой греческое слово δούλος (раб) было фракийским по происхождению⁷⁷. В подкрепление этой гипотезы Дечев приводит в качестве «аргумента» и то, что греки, придя на занятые ими позднее земли, принудили захваченное ими население заниматься сельскохозяйственным и ремесленным трудом, так что и слово, которое на языке того населения означало «работорник», могло легко приобрести значение «раб». Нельзя отрицать, однако, что эти работы Дечева свидетельствуют об обширной эрудиции автора и о его стремлении дать исчерпывающее изложение вопроса, подкрепленное во многих случаях надежными античными свидетельствами. Одна из сравнительно новых работ Дечева о фракийском всаднике не может, по нашему мнению, считаться солидно обоснованной⁷⁸. Утверждение

автора⁷⁹, что одним из главных аспектов «фракийского героя» является его аспект «ловца человеческих душ», не представляется нам доказанным. Его аспект как «бога войны» имел, по мнению Дечева, подчиненное значение (там же, стр. 187). Но сам автор позднее был вынужден признать, что предложенное им определение фракийского героя как «„бога войны“» встречается достаточно редко». Неприемлемо и другое утверждение Дечева в этой же статье, что фракийцы находились, особенно в религиозном отношении, «под сильным влиянием крито-микенской культуры» (стр. 196 сл.). Ряд других положений в некоторых трудах Дечева по древнефракийской религии⁸⁰, напечатанных до нашей социалистической революции, могут быть оспорены или даже отвергнуты. По мнению Дечева, в характере культа «фракийского героя», этого фракийского божества, прослеживаются «три культурных круга», под воздействием которых развивался этот культ. Этими тремя кругами были крито-микенский, североευропейский и восточный. Из крито-микенского круга фракийцы заимствовали аспект бога охотника, из североευропейского круга — аспект божества — обладателя копья, восточный культурный круг внушил им аспект божества-всадника. При подобных чисто умозрительных построениях у читателя невольно должен возникнуть вопрос, неужели сами фракийцы не имели никаких мифов, которые свидетельствовали бы о раннем присутствии коня на фракийской почве? Но в сознании читателя возникает представление о фракийских курганах, раскопки которых обнаруживают скелеты погребавшихся вместе со своими владельцами лошадей. По скелетам и другим остаткам этих лошадей некоторые остеологи получают основание для выдвижения достаточно веских аргументов, позволяющих им прийти к заключению, что лошадь существовала на фракийской территории весьма давно и что даже есть возможность говорить об особой фракийской породе лошадей. Но об этом речь будет идти ниже более подробно.

Значительно более творческими и серьезными с научной точки зрения являются достижения Д. Дечева в области классической филологии и особенно в области сравнительного языкознания, преимущественно по части фраковедения. Прежде всего следует упомянуть об его «Характеристике фракийского языка»⁸¹. Огромное

⁷⁴ Д. Дечев, Асклепий като тракийско божество, ИБАИ, III, 1925, стр. 131—164.

⁷⁵ Д. Дечев, Една семейна триада в религията на Тракия, ИАИ, XVIII, 1952, стр. 7—49.

⁷⁶ Дечев, Една семейна триада..., стр. 17 сл.

⁷⁷ Слово do-e-go = δούλος или δούλος было установлено крито-микенскими надписями XV в. до н. э.; было доказано, что оно представляет раннюю форму ионическо-аттического δούλος и дорического δούλος. Полагаем, что нет необходимости останавливаться дальше на этом вопросе; о слове δούλος в микенских надписях см. В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 61.

⁷⁸ Д. Дечев, Тракийският херос като бог-ловец, Сп. БАН, LXX, кл. ист.-фил., 33, 1945, стр. 185—193.

⁷⁹ Там же, стр. 187.

⁸⁰ См., например, научно-популярную работу Д. Дечева: Д. Дечев, Очерк на религията на древните траки. Българска историческа библиотека, I, София, 1928, стр. 2—25.

⁸¹ Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952 (на болгар-

значение имеет также исследование Дечева⁸² «Фракийские языковые остатки». Оба упомянутых труда Д. Дечева были в свое время рассмотрены специалистами в области языкознания. Мы в свою очередь можем отметить еще раз, что, несмотря на некоторые несомненные и значительные недостатки, «Die thrakischen Sprachreste» является единственным солидным и в значительной мере исчерпывающим справочником⁸³, в котором собрано огромное множество известных доселе остатков языка древних фракийцев.

Что является существенным в представлении Д. Дечева в отношении фракийского языка? По мнению этого ученого, фонетика древнефракийского языка соответствовала вполне фонетике пеласгийского языка (т. е. догреческого индоевропейского языка), который был распространен в той части Балканского полуострова, в которой живет ныне болгарский народ. В этом отношении Дечев испытывает еще в юности сильное влияние Пауля Кречмера⁸⁴.

ском и немецком языках, второе издание этого труда на немецком языке под редакцией Б. Герова, София, 1960).

⁸² D. Detschew, *Die thrakischen Sprachreste*, Wien, 1957.

⁸³ См. дополнения и поправки к этому труду Дечева у К. Влахова: K. Vlahov, *Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachreste und Rückwörterbuch*, ГСУ, фф, LVII, 2, 1963.

⁸⁴ Пауль Кречмер в продолжении полувека возглавлял кафедру сравнительного языкознания в Венском университете. Свой научный авторитет Кречмер завоевывал книгой «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache», Göttingen, 1896. Этот труд и поныне продолжает оставаться настольной книгой многих западных ученых (по этому вопросу см., например, H. Bengtson, *Griechische Geschichte*, München, 1960, стр. 23 и особенно R. Meister, *Paul Kretschmers Forschungswerk*, II, «Mnemosyne», 1957, стр. 1 сл. и в особенности XV сл.). Помимо упомянутого труда Кречмер был автором многих исследований, написанных позднее и посвященных как тому же, так и другим важным вопросам из области сравнительного индоевропейского языкознания. В некоторых значительных работах последнего времени Кречмер отказался от ряда своих прежних мнений. По этому поводу некоторые западноевропейские буржуазные авторы упрекают Кречмера в том, что исследования последнего периода его научной деятельности весьма гипотетичны. Не желая загромождать нашу работу сведениями из области сравнительного языкознания, считаем нужным отметить лишь самое существенное во взглядах П. Кречмера. Будучи одним из главных представителей сравнительно-исторического язы-

Исходя из того, что фракийский язык стал довольно далек от фригийско-армянского и германского (особенно в первоначальном произношении индоевропейских эксплозивных согласных), Дечев толковал это явление как пример приспособления индоевропейских звучаний к звуковому составу того неиндоевропейского языка, который подлежал индоевропейизации. Соответственно Дечеву⁸⁵, таким индоевропейским языком мог быть только этрусский или какой-либо весьма родственный ему «этрускоидный» язык. Дечев считал⁸⁶ также, что индоевропейцы, которые посредством их слияния с

кознания, Кречмер принимал существование так называемого «праязыка» или языка «основы», которое и до него было неразрывно связано с так называемым «пранародом» (Kretschmer, *ук. соч.*, стр. 7—19; 20—47). Кроме того, Кречмер принимал и теорию «индогерманского праязыка». Этим термином шовинистические и расистски настроенные немецкие буржуазные ученые обозначали тот праязык (первичный язык), который был создан северным (нордическим) «индогерманским пранародом» в результате присущего только ему, т. е. расово-врожденного или биологически обусловленного предрасположения и способностей. С другой стороны, ведущие германские буржуазные лингвисты, начиная с Кречмера, отстаивали (многие и до сего дня продолжают отстаивать) ту точку зрения, что догреческое население Балканского полуострова, Восточного Средиземноморья и особенно большей части Малой Азии было неиндоевропейского происхождения (или соответственно их терминологии это население не было «индогерманским»). Вследствие переселения (миграции индогерманцев северных областей, — но при этом их не интересовали фракофригийцы) на юг население северной части Балканского полуострова и западной Малой Азии «индогерманизировалось», т. е. сделалось индоевропейским. Под влиянием изложенных взглядов Кречмера многие наши исследователи-антиковеды (не только Д. Дечев) были склонны толковать возникновение фракийского языка как результат слияния пеласгического (догреческого индоевропейского) языка с неким неиндоевропейским языком, но подвергшимся интенсивной «индогерманизации».

⁸⁵ Дечев, *Характеристика на тракийския език*, стр. 54 = Detschew, *Charakteristik der thrakischen Sprache*², 1960, стр. 198 сл.

⁸⁶ Дечев, *Характеристика...*, стр. 56 = *Charakteristik...*, стр. 200. Из этих представлений Дечева исходит, очевидно, и рассмотренная выше его теория северного (пранского) круга, под влиянием которого возник и оформился культ богатоохотника у древних фракийцев.

этрусками или этрускоидами создали фракийскую народность, были иранского происхождения. Не рассматривая других гипотез Д. Дечева, отметим лишь рецензии, в которых были рассмотрены или подвергнуты критике те или иные взгляды Дечева⁸⁷.

Д-р *Ив. Велков* и проф. *Я. Тодоров*. Названные антиковеды, по возрасту относящиеся к предшествовавшему поколению исследователей, в своей научной деятельности отчасти занимают некую промежуточную позицию. Деятельность некоторых наших антиковедов особенно как популяризаторов научных знаний оставила значительный след в нашей литературе. Наиболее типичными среди этих ученых были Иван Велков и Янко Тодоров. Ив. Велков завершил свое образование по истории древнего мира и по археологии в Венском университете под руководством академика В. Кубичека и проявил себя в Болгарии главным образом в области практической археологии и научной популяризации. Склонность Ив. Велкова к увлекательному повествованию и описанию сочеталась с подчеркнутой любовью к родной природе, что давало ему возможность сообщать всем интересующимся археологией о разнообразных археологических наблюдениях в ежедневной периодической печати. Эти качества Ив. Велкова помогали ему в его плодотворной деятельности в области научной популяризации⁸⁸, но также в большой степени

и препятствовали ему в создании солидного обобщающего труда из истории болгарской земли в античное время. Значительно более успешными исследовательскими трудами Ив. Велкова являются опубликованные им результаты его археологических раскопок древнефракийских некрополей Южной и Юго-Восточной Болгарии близ Дуванлий, Мезек, Брезово, так же как и его раскопок на месте позднеантичного поселения у с. Садовец на р. Вит (Плевненский округ). О значении этих раскопок речь идет подробно в другой нашей работе, рассматривающей археологические памятники в качестве источников для истории болгарской территории в античную эпоху.

Во многом был отличен от Ив. Велкова по склонностям, равно как и по образованию, Янко Тодоров⁸⁹, покойный профессор истории древнего мира. Он обладал созерцательной и очень индивидуалистической природой, склонной скорее к

стр. 88 сл., а также Ив. Велков, Проникването на Рим в българските земи, Малка енциклопедическа библиотека, № 64, 1936; он же, Стари римски пътища и селища в днешните български граници, Българ. истор. библиотека, II, 1929, кн. 4, стр. 44—47, или статьи: Ив. Велков, Бележки за колонизацията и градовете по нашето Черноморско крайбрежие, Изв. истор. д-во, XI—XII, 1931—1932, стр. 33—53; Из старата география и история на Македония, Уч. пр., XII, 1943, стр. 167—168 и др. Научно-исследовательский характер имеют статьи Ив. Велкова: «Две новооткрити римски военни дипломи от Веспасиан», ИБАИ, II, 1923—1924, стр. 83—89 и «Нова военна диплома от Домициан», ИБАИ, IV, 1926, стр. 69—80, так же как и его исследование недавнего времени «Драгойново — един тракийски селищен център», сб. в честь Г. И. Кацарова, II, 1955, стр. 85—94.

⁸⁹ Я. Тодоров изучал историю древнего мира в Софии у Г. И. Кацарова и специализировался в Англии и Германии, главным образом в Мюнхене, у проф. В. Отто, преемника Р. Пельмана. Хотя Я. Тодоров не был большим поклонником немецкой культуры, в его работах чувствуется влияние немецкой буржуазной историографии и модернизации античного исторического процесса. Так, в его популярной книжке «Античная культура в Болгарии», стр. 9—10, он пишет: «Дионисийская оргиастика (оргиазм) начала проникать в Грецию в VIII в. до Хр., в переломную эпоху, когда в греческом мире совершился переход от средневековья от рыцарского феодализма гомеровских героев с примитивным хозяйством, к началу жизни, как в новое время, когда благодаря колонизации и торговле было положено начало капитализму и денежному хозяйству».

⁸⁷ См., например, рец. на «Характеристика на тракийския език» — В. И. Аббаев, ВДИ, 1954, № 2, стр. 86—90; Б. И. Надель, ВЯ, 1955, № 2, стр. 138—143. Об остальных рецензиях и отзывах см. Т. Сарфов, сб. «Исследования в чест на акад. Д. Дечева по случай 80-годишнината му», стр. XXII; О. Masson, «Kratylos», V, 1960, 2, стр. 163—175. Из трудов болгарских языковедов, содержащих критическую оценку деятельности Д. Дечева, равно как и сильного влияния П. Кречмера на его взгляды, см. особенно Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 90, 129 сл. VI. Георгиев, La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne, Sofia, 1957, стр. 65 сл.; Вл. Георгиев, Тракийският език, София, 1957, стр. 65 сл. Существенные дополнения в лексическом отношении к книге Д. Дечева дал недавно Г. Михайлов, Към въпроса за тракийската лексика, Сп. БАН, 1958, стр. 132 сл.

⁸⁸ Ив. Велков, Мъртви градове, I, София, 1929, 2-е изд., 1933; он же, Прочути крепости, 1933; он же, По дирят на вековете (исторически очерк), София, 1956; он же, Наши старинни градове, София, 1960. Из более ранних работ см. Ив. Велков — Я. Тодоров, Антична култура в България,

занятиям в области филологии, чем в области исторических проблем в целом. Поскольку его образование и склонность к кабинетным занятиям и в особенности к изучению многих языков сочеталась с необходимой энергией и пристрастием к исследовательской работе, Я. Тодоров мог сделать более того, что он сделал. К сожалению, это отчасти объясняется его склонностью к безысходному мистицизму, который имел фатальное значение как для качества его научной деятельности, так и для его продуктивности.

Из числа его удачных трудов научно-исследовательского характера прежде всего должна быть упомянута монография о языческих культах в Нижней Мезии в императорскую эпоху⁹⁰, а также обширное исследование о фракийских царях⁹¹. Названные два труда Тодорова исполнены в качестве диссертационных работ для получения звания доцента и профессора. Нельзя не отметить осведомленности Тодорова в отношении религиозного быта Нижней Мезии в первые три века римского владычества, хотя как в первой своей работе, так и в исследовании о фракийских царях, Я. Тодоров не сумел дать вполне достаточной научной обработки интересного, ценного и обильного фактического материала, которым он располагал. Недостатки методологического и чисто научного свойства особенно очевидны в его исследовании «Тракийские царе».

Упомянутая работа не содержит почти никаких новых и оригинальных наблюдений в отношении общественно-экономического, военно-политического или же культурного развития древней Фракии в классическую и раннеэллинистическую эпохи. Существенным упущением является и то обстоятельство, что она лишена какого-либо изложения истории древней Фракии в период от второй половины III в. до н. э. — до конца I в. до н. э. Отдельные более краткие работы Тодорова, как, например, его написанная итальянски статья о римских дорогах в Болгарии⁹² или же некоторые его работы по источниковедению⁹³, так же как и статья монографического характера о Силистрии в древности⁹⁴, излагают, до из-

вестной степени компилятивно, важные вопросы истории нашей страны как в ранний период римского владычества в северной половине Балканского полуострова, так и в период Принципата.

Несмотря на упомянутые и некоторые другие недостатки методологического характера в исследованиях Я. Тодорова, наша современная, так же как и советская, историография оказывают несомненно заслуженное признание его некоторым трудам.

Так, в общих чертах обозначается творчество некоторых наиболее известных западноевропейских и болгарских буржуазных ученых в области древней истории болгарских земель. Как выясняется из рассмотрения положительного наследия нашей отечественной буржуазной историографии, обнаруживаются, а бы сказал, две специфические ее особенности. Одна особенность, в сущности являющаяся серьезным недостатком, выразилась в том, что в известных случаях работы наших историков древности исходили не из какой-либо достаточно продуманной проблематики и рационально запланированной тематики, а из содержания и значения находимых античных, главным образом эпиграфических и археологических, памятников. Этот изъян в нашей работе и до сего времени дает себя знать и порождает еще один недостаток. Его суть состоит в том, что многие из наших историков-антиковедов распыляют свое внимание по многим часто весьма разнообразным и дробным темам, продиктованным текущими эпиграфическими и археологическими находками. Вследствие этого теряется ясное представление о том, где проходит грань между задачами историка и музейного работника. В этом коренится и еще один существенный недостаток в работе наших историков-антиковедов в период до социалистической революции в Болгарии. Нередко приходилось слышать от наиболее зрелых и видных наших ученых, что задачи наших историков-антиковедов состоят главным образом в опубликовании найденных у нас материалов, а «западные ученые», обладающие большими знаниями и богатой литературой, предпримут обобщения и дадут научный синтез этого материала. Это представление, можно сказать, являлось *opinio communis*, будучи обусловлено отчасти преклонением перед западной (главным образом немецкой) буржуазной наукой.

Хр. М. Данов

⁹⁰ Я. Тодоров, *Паганизъмът в Долна Мизия през първите 3 века сл. Хр.*, София, 1928; см. рец. Г. И. Кацарова в ИБАИ, V, 1928—1929, стр. 386 сл.

⁹¹ Я. Тодоров, *Тракийските царе*, ГСУИФФ, ХХІХ, 1932—1933, стр. 1—80.

⁹² J. Todorov, *Le grande strade romane in Bulgaria, «Quaderni dell'impero di strade del mondo romano»*, Roma, II, 1937, стр. 3—33.

⁹³ Я. Тодоров, *Историята на древна Македония у Тит Ливий*, ИБД, кн. XIX—XX, 1944, стр. 125—141.

⁹⁴ Я. Тодоров, *Durostorum, принос към античната история на Силистра*, сб.

«Силистра и Добруджа», София, 1927, стр. 1—52. Эта работа Тодорова в большой степени зависит от исследования известного румынского историка древности В. Пырвана (V. Pârvan, *Municipium Aurelium Durostorum*, Torino, 1924, *Est-ratto della rivista di filologia e d'istruzione classica*, Nuove Serie anno, II, часть 3, стр. 307—340).